

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКТ

научный юридический журнал

Публикации для студентов, молодых ученых и научно-преподавательского состава на www.ur-fakt.ru

ISSN 2500-1140 Издательский дом "Плутон" www.idpluton.ru

Выпуск №210

КЕМЕРОВО 2023

23 октября 2023
ББК Ч 214(2Рос-4Ке)73я431
ISSN 2500-1140
УДК 378.001
Кемерово

Журнал выпускается ежемесячно, публикует статьи по юридическим наукам. Подробнее на www.ur-fakt.ru

За точность приведенных сведений и содержание данных, не подлежащих открытой публикации, несут ответственность авторы.

Редкол.: Никитин Павел Игоревич - главный редактор, ответственный за выпуск журнала.

Александр Вячеславович Руднев - практикующий юрист, ответственный за первичную модерацию, редактирование и рецензирование статей.

Матвеева Яна Максимовна - кандидат юридических наук, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Гревцов Юрий Иванович - доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Калашникова Елена Борисовна - кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и философии права Института права Самарского государственного экономического университета

Александрова Жанна Павловна - кандидат социологических наук, доцент кафедры рыночных и государственных институтов Кубанского государственного технологического университета

Мальцагов Иса Даудович - кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики; ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»

Кузин Валерий Николаевич - кандидат юридических наук, доцент РАНХиГС, Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина

Казанчян Лилит Арменовна - кандидат юридических наук, докторант Института философии, социологии и права НАН РА. Преподаватель кафедры Юриспруденции Международного научно-образовательного центра НАН РА, член Палаты адвокатов Республики Армения

Дзугцева Диана Муссаевна - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО Северо-Кавказский горно-металлургический институт

Тастекеев Кайрат Кулбаевич - кандидат юридических наук, профессор КазГЮИУ (Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет)

Сейтхожин Булат Умержанович - кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории юридических исследований НИИ экономических и правовых исследований Карагандинского экономического университета Казпотребсоюза.

Мусаева Асма Гаджиевна - кандидат исторических наук ФГБОУ ВО «ДГУНХ»

Шахбанова Юлия Алибековна - кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Московского государственного гуманитарно-экономического университета.

Исмаилов Атахожа Айдарович - кандидат юридических наук, Южно-Казахстанский государственный университет имени М. Ауезова, факультет Юриспруденции и международных отношений.

А.О. Сергеева (ответственный администратор)[и др.];

Научный юридический журнал «Юридический факт», входящий в состав «Издательского дома «Плутон», был создан с целью популяризации юридических наук. Мы рады приветствовать студентов, аспирантов, преподавателей и научных сотрудников. Надеемся подарить Вам множество полезной информации, вдохновить на новые научные исследования.

Издательский дом «Плутон» www.idpluton.ru e-mail:admin@idpluton.ru

Подписано в печать 23.10.2023 г. Формат 14,8×21 1/4. | Усл. печ. л. 6.2. | Тираж 300.

Все статьи проходят рецензирование (экспертную оценку).

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей.

Авторы статей несут полную ответственность за содержание статей и за сам факт их публикации.

Редакция не несет ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи. При использовании и заимствовании материалов ссылка обязательна

Содержание

1. РОЛЬ СМИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ.....3
Мужухоев Х.М., Дикажев М.М.
2. МУНИЦИПАЛЬНЫЕ НОРМАТИВНЫЕ АКТЫ В СИСТЕМЕ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....7
Бузурганов Р.М., Дикажев М.М.
3. ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РАМКАХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ИНТЕГРАЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЕАЭС11
Гизатуллин Ш.Ф.
4. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ В РОССИИ.....16
Кабанова И.В.
5. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ.....20
Нгуен Тан Зунг

Мужухоев Хазбулат Магомедович
Muzhukhoyev Hazbulat Magomedovich

магистрант, кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет»
E-mail: muzuhoyev@mail.ru

Дикажев Мухарбек Магомедгиреевич
Dikazhev Muharbek Magomedgireevich

Научный руководитель
профессор кафедры теории и истории государства и права,
доктор юридических наук

УДК 32

РОЛЬ СМИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ

THE ROLE OF THE MEDIA IN POLITICAL COMPETITION

Аннотация. Статья посвящена анализу средств массовой информации (СМИ) как сферы, играющую ключевую роль в современных демократических обществах, оказывая значительное влияние на политическую конкуренцию. Автором подчеркиваются важные аспекты воздействия СМИ на политическую конкуренцию, включая их роль в формировании общественного мнения, воздействие на политические решения, роль в формировании демократического государства. Анализируются как позитивные, так и негативные аспекты влияния СМИ, а также роль граждан в критическом восприятии информации, норма контента, необходимого для влияния на общественное мнение. Понимание влияния СМИ на политическую конкуренцию имеет важное значение для современных демократий и требует постоянного внимания и обсуждения в контексте развития информационных технологий и изменяющейся медиальной среды. Проведена аналитическая работа по исследованию различных подходов к понятию политическая конкуренция, предложены собственные формулировки данного понятия.

Annotation. The article is devoted to the analysis of mass media (mass media) as a sphere that plays a key role in modern democratic societies, having a significant impact on political competition. The author emphasizes important aspects of the impact of the media on political competition, including their role in shaping public opinion, influence on political decisions, and role in the formation of a democratic state. Both positive and negative aspects of media influence are analyzed, as well as the role of citizens in the critical perception of information, the norm of content necessary to influence public opinion. Understanding the influence of the media on political competition is important for modern democracies and requires constant attention and discussion in the context of the development of information technology and the changing media environment. Analytical work has been carried out to study various approaches to the concept of political competition, and own formulations of this concept have been proposed.

Ключевые слова: политическая конкуренция, демократическое государство, СМИ, политическая деятельность, норма контента.

Keywords: political competition, democratic state, mass media, political activity, content norm.

Прежде всего необходимо отметить, что термин «политическая конкуренция» до сих пор не закреплен в научной терминологии, хотя он активно используется. Л.А. Лукьянова считает, что данный термин может быть использован лишь условно, тем не менее, она дает ему следующее определение: «политическая конкуренция — это некий набор механизмов, обеспечивающий действия основных форм народовластия: непосредственной, представительной и консультативной демократии» [1, с. 63]. Васильева С.В. определяет политическую конкуренцию как технологический институт, представляющий собой конкретные правила поведения субъектов [2]. Данная формулировка достаточно расплывчатая и не отвечает на современные вызовы в политической жизни демократического государства.

Политическую конкуренцию можно рассмотреть с позиции экономической теории игр и конкуренции, когда политическая система выступает как арена, где различные политические силы

конкурируют между собой за голоса электората, используя тактики и стратегии, схожие с бизнес-конкуренцией.

С другой стороны, можно сосредоточиться на исследовании институциональных аспектов политической конкуренции: анализ выборов, политических партий, системы голосования и другие политические институты, которые оформляют и регулируют конкуренцию между политическими силами в конкретном политическом контексте.

Но для правильного интерпретирования роли СМИ в политической конкуренции необходимо рассматривать политическую конкуренцию с социологической точки зрения, в контексте социальных факторов, путем исследования роли групповой идентичности, социального класса, религии, этики и других социокультурных аспектов, которые могут влиять на политическую конкуренцию и предпочтения электората. Данный подход следует рассматривать в коллаборации с плюралистической концепцией политической конкуренции, при которой политическая система существует как множество конкурирующих групп и интересов, которые соперничают за власть и влияние, а политическая конкуренция представляет собой механизм, который позволяет различным группам и интересам быть представленными в политике.

Синтезируя основополагающие аспекты политической конкуренции, автор находит правильным определить политическую конкуренцию как процесс соревнования различных политических сил, партий, кандидатов или групп в рамках демократической системы для достижения власти, влияния и реализации своих политических целей, один из фундаментальных элементов демократии, позволяющий различным политическим силам иметь возможность участвовать в политической жизни государства.

В современной действительности демократическое государство невозможно представить без политической конкуренции, которая должна быть обычным явлением в повседневной деятельности органов, партий и иных объединений, влияющих на власть. При этом СМИ играют важную роль в демократическом процессе государства, в частности в политической конкуренции. Наиболее ярко она проявляется в ходе избирательной кампании. Уже задолго до выборов (и совсем необязательно в период собственно предвыборной агитации) политические конкуренты активизируют усилия по увеличению числа сторонников своей партии среди электората посредством информационной пропаганды. Соответствие нормам права «информационных приемов», используемых при этом партиями, порой трудно доказать. Прямых запретов или разрешений на то или иное поведение конкурентов законодательство зачастую не содержит. Кроме того, позитивным правом невозможно охватить все многообразие общественных отношений.

До сих пор большинство массмедиа ориентируются на несуществующую в реальности массовую аудиторию. А ведь коммуникация невозможна с безликой массой, особенно в современных условиях, когда общество все больше изолируется. Пора прекратить погоню за абстрактными рейтингами посещаемости интернет-сайтов, просмотров передач по телевидению и тиражей газет. Теперь важнейшим фактором становится степень влияния СМИ на ту или иную целевую группу [3].

СМИ являются основным источником информации для граждан. Они предоставляют новости, аналитику, интервью и другую информацию о политических событиях, кандидатах, партиях и их платформах. Это помогает избирателям принимать информированные решения и участвовать в политической конкуренции.

СМИ влияют на формирование общественного мнения о политических вопросах. Они могут акцентировать внимание на определенных кандидатах, идеях или проблемах, формируя повестку дня и определяя приоритеты для общества. Это может повлиять на исход политических соревнований и голосование избирателей.

Медиа используется как средство в контроле за властью и предотвращении злоупотреблений. Они следят за действиями политиков, выявляют коррупцию, нарушения прав и недостатки в законодательстве. Это помогает обществу держать политических лидеров ответственными и подвергать их обсуждению и критике. Упростилась возможность получения новостей, особенно, о конфликтах политиков. Социальные сети стали скоростным проводником к новейшей информации о «теневой стороне» их жизни. Тем не менее, СМИ урегулированы в своих полномочиях - существуют нормативно-правовые акты, определяющие границы свободы волеизъявлений, в то время как в социальных сетях, а именно, в личных блогах таких ограничений нет.

Помимо всего использование информационного ресурса способствует поддержанию открытого общественного диалога и стимулирует участие граждан в политической конкуренции. Они

предоставляют платформы для обсуждения, дебатов, выражения мнений и идей. Это помогает разнообразным голосам быть услышанными и способствует развитию демократического процесса государства.

Однако стоит помнить, что СМИ также могут подвергаться воздействию политических интересов и влиять на политическую конкуренцию негативным образом. Важно обеспечить медиавыражение и медиаплюрализм, чтобы гарантировать, что разнообразные голоса имеют доступ к публике, и предотвратить концентрацию медиа в руках небольшого числа актеров.

СМИ имеют несколько механизмов влияния на политическую сферу.

Информационное предложение: СМИ играют роль поставщика информации о политических событиях и кандидатах. Они формируют общественное мнение, предоставляя новости, факты, статистику и аналитику. Однако влияние СМИ может быть ограничено искаженной интерпретацией фактов или выбором определенных историй, что может повлиять на восприятие политической ситуации.

Агендообразование: Массмедиа определяет повестку дня и устанавливает темы для общественного обсуждения. Они решают, о чем говорить и какие вопросы считать важными. Через выбор и акцентирование определенных сюжетов СМИ могут влиять на приоритеты и интересы общества. При этом возникает риск игнорирования некоторых проблем или преувеличения других, что может повлиять на политическую агенду.

Манипуляции и влияние на общественное мнение: СМИ могут использовать различные методы манипуляции, чтобы влиять на мнения и поведение граждан. Это может включать выбор определенных ракурсов, эмоциональное воздействие, дезинформацию, фейки и т.д. Более конкретные методы манипуляции включают службы "черной пиар-кампании", проведение необъективных интервью или выбор гостей, которые представляют только одну точку зрения. Такие манипуляции могут исказить образ политических лидеров, партий и их программ, влияя на принятие решений избирателями.

Формирование общественного мнения: СМИ влияют на формирование общественного мнения о политических вопросах через пропаганду, комментарии, аналитику и выступления экспертов. Они могут поддерживать определенные идеологии, партии или кандидатов, а также создавать политические стереотипы и предрассудки. Это может повлиять на принятие решений избирателями и исход политических соревнований.

Важно проводить критическую оценку информации, предоставляемой СМИ, проверять факты и противостоять потенциальным манипуляциям.

Значимой характеристикой СМИ в политической конкуренции являются ограничения, установленные как государством, так и неофициально обществом. Это могут быть юридические ограничения, включая законы о клевете, нарушении авторского права, конфиденциальности, дискриминации, призывах к насилию и т.д, или такие ограничения как конкуренция на рынке информационных услуг. Медиа конкуренция влияет на доступ к власти при политической конкуренции, на распределение объективных и количественных позиций на внутривнутриполитической арене государства для той или иной политической группы, а также на возможность через СМИ привлечь широкую аудиторию и выжить на «политическом рынке».

Свобода слова является одним из фундаментальных прав, которое позволяет СМИ свободно выразить свои мнения и идеи без вмешательства со стороны государства. Однако это правило не является безусловным, поскольку информационный рынок выставляет на продажу свои услуги, и в зависимости от того, какая политическая группа ее приобретет, массмедией лоббируются политико-конкурентная информация. Это так называемая медиа-консолидация, когда различные крупные продвигают при политической конкуренции ту информацию, которая удовлетворяет потребности конкретного клиента. Это может приводить к ограничению политической конкуренции в рамках правового поля, поскольку контролируемые компании могут оказывать влияние на содержание и распространение новостей [4, с. 62].

Важно найти баланс между свободой использования СМИ при политической конкуренции представителями политической жизни государства и объективностью информации. Каждое ограничение должно быть пропорциональным и ограничивать только те стороны, которые представляют реальную угрозу для демократизации государства.

Нормы контента в СМИ при политической конкуренции могут различаться в разных странах и зависеть от конкретной юрисдикции и законодательства.

Объективность и баланс информации необходимый фактор представления различных политических взглядов и мнений справедливо и без предвзятости. Они должны предоставлять информацию о разных политических позициях и давать возможность высказаться представителям различных политических сил при политической конкуренции. СМИ должны основывать свои материалы на проверенных фактах и достоверной информации о политическом субъекте. Важно избегать распространения ложных сведений, утверждений без подтверждений и манипуляций с фактами в пользу определенной политической силы. Информационный плюрализм, и при этом адекватный, способствует сосуществованию разнообразных мнений и идей в политическом дискурсе политической конкуренции. Они должны представлять различные точки зрения, давать голос как правительственным, так и оппозиционным силам, а также независимым экспертам.

При политической конкуренции уважение электората проявляется в процессе информационной подпитки, не допуская клеветы, нарушений приватности или дискриминации, передачи заведомо ложных сведений [5].

Таким образом, СМИ играют важную роль в политической конкуренции, поскольку они предоставляют информацию, анализ и комментарии о политической действительности, позициях и кандидатах. В этом контексте СМИ влияют на формирование общественного мнения и могут оказывать как положительное, так и отрицательное воздействие.

Библиографический список:

1. Лукьянова Е.А. Конкуренция в политике = конкуренция в бизнесе / Е.А. Лукьянова // Современная конкуренция. 2017. № 3(3). С. 61-69.
2. Васильева С.В. Политическая конкуренция в теории и действии: к вопросу о сложности ее правовых оценок / С.В. Васильева // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 1 (86). С. 1624.
3. Алешин Д.В. Средства массовой информации как активный самостоятельный участник общественно-политических процессов в России // Роль СМИ в региональных выборах 2002 г. (Материалы всероссийской конференции, Москва, 30—31 янв. 2003 г.). — М., 2003.
4. Терещенко О.В. Глобализационные процессы современности и устойчивое развитие / О.В. Терещенко, М.В. Гринь // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 9. С. 62-64.
5. Хоружая С.В. Социокультурная деградация в условиях трансформационного общества (социологический анализ) : монография / С.В. Хоружая, А.Р. Салчинкина. Краснодар : КубГАУ, 2021. 167 с.
6. Хоружая С.В. «Смута» как социокультурная проблема / С.В. Хоружая; Редк.: А.Н. Тарасов, Д.А. Беляев, Ю.В. Караваева [и др.] // Традиции и инновации в пространстве современной культуры: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции, Липецк, 15-16 апреля 2021 года. Липецк : Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семёнова-Тянь-Шанского, 2021. С. 302-306.
7. Кожемякин, Е.А. Медиадискурс в фокусе социального конструирования: эмпирические практики в медиасообществах // Медийный текст: социальные практики, технологии, теории. Монография / А.В. Белоедова, М.Ю. Казак и др. Белгород: НИУ «БелГУ», 2018. С. 158-200.

Бузуртанов Рустам Магомедович

магистрант юридического факультета,
Ингушский государственный университет, РФ, г. Магас
E-mail: kafedra_upp07@mail.ru

Дикажев Мухарбек Магомедгиреевич

научный руководитель, доктор юрид. наук, профессор,
Ингушский государственный университет, РФ, г. Магас

Buzurtanov Rustam Magomedovich

Master's student of the Faculty of Law,
Ingush State University of the Russian Federation, Magas,

Dikazhev Mukharbek Magomedgireevich

scientific supervisor, Doctor of Law. Sciences, Professor
Ingush State University, Russian Federation, Magas

УДК 34

МУНИЦИПАЛЬНЫЕ НОРМАТИВНЫЕ АКТЫ В СИСТЕМЕ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**MUNICIPAL REGULATIONS IN THE SYSTEM OF REGULATORY REGULATION IN THE RUSSIAN FEDERATION**

Аннотация. В статье на основании изучения законодательства о местном самоуправлении и научных взглядов отдельных ученых-правоведов сделан анализ системы нормативных правовых актов местного самоуправления, приводятся критерии их закрепления с учетом видов органов местного самоуправления их издающих, а также приведена их иерархия.

Annotation. Based on the study of legislation on local self-government and the scientific views of individual legal scholars, the article analyzes the system of normative legal acts of local self-government, provides criteria for their consolidation, taking into account the types of local self-government bodies issuing them, and also shows their hierarchy.

Ключевые слова: органы местного самоуправления; должностные лица органов местного самоуправления; муниципальные нормативные правовые акты; классификация актов местного самоуправления.

Keywords: local self-government bodies; officials of local self-government bodies; municipal regulatory legal acts; classification of acts of local self-government.

Муниципальные правовые акты, как и любые правовые акты не должны противоречить Конституции Российской Федерации, федеральным конституционным законам, федеральным законам и иным нормативным правовым актам Российской Федерации, а также конституциям (уставам), законам, иным нормативным правовым актам субъектов Российской Федерации.

Специфическое отношение в теории муниципального права проявляется к вопросу в части полномочий органов и должностных лиц местного уровня по принятию нормативных актов. Конституционно установлено, что местная власть автономна от публичной государственной власти, но, тем не менее, непосредственно связана с последней [1]. Поэтому можно говорить, что приведенное положение в равной степени относится и к принятию муниципальных нормативно-правовых актов.

Действующие виды муниципальных правовых актов составляют иерархическую совокупность, которая, будучи относительно автономной, рассматривается как цельный комплекс актов. Большое количество муниципальных образований в стране, имеющаяся специфика их структурной организации, в каждом отдельном случае приводят к существенному своеобразие в части наличия системы муниципальных правовых актов данного муниципалитета.

Наряду с таким требованием, получаемое построение не может быть отделено от всех закономерностей, применяемых в искомой сфере. Нам видится необходимость изучения и использования, имеющегося за последнее время эмпирического опыта правового регулирования видов и форм муниципальных правовых актов, в целом механизма муниципального нормотворчества.

Складывающиеся тенденции и несоответствия в правоприменительной практике, как нам представляется, следует подробно рассмотреть и определиться в понятийном аппарате.

Приведенный правоведом Н. А. Антоновой анализ действующих актов показал, что форма муниципального правового акта представлена как устав, решение, постановление, распоряжение, приказ, регламент, положение, инструкция, правила, соглашение [5, 48].

Если взять в качестве примера представительный орган муниципалитета, то им принимается решение, устанавливающее правила, обязательные для исполнения на всей территории муниципального образования.

Глава муниципального образования издаёт постановления и распоряжения в части организации деятельности исполнительного органа или постановления и распоряжения местной администрации.

Должностные лица органов местного самоуправления подписывают распоряжения и приказы по полномочиям, отнесенных к их ведению уставом муниципального образования как основным муниципальным актом.

Структурно муниципальные правовые акты образуют часть правовой системы, наряду с государственными и региональными актами, регулирующими работу органов местного самоуправления.

Здесь уместно напомнить, что муниципальный правовой акт есть формализованный письменный документ, принимаемый самим населением муниципалитета, органом местного самоуправления или муниципальным должностным лицом в пределах своих полномочий и вводящий общеобязательные правила по предметам ведения муниципального уровня на основе норм законодательства.

Отсюда видно, что одним из субъектов муниципальной правотворческой деятельности является само население муниципалитета, используя при этом местный референдум и сход граждан.

Так же, субъектами нормотворчества могут являться органы и должностные лица местного уровня.

По своему содержанию и виду муниципальные правовые акты считаются подзаконными, они должны соответствовать федеральным и региональным законам, занимающим более высокое положение; таковые детализируют правовые нормы, которые установлены в федеральном законодательстве и законодательстве субъектов Федерации.

Вместе с тем, особенность муниципальных правовых актов очевидна, так как они регулируют немало сфер организации и деятельности органов местного самоуправления, а именно, структуру и порядок формирования органов муниципального образования; полномочия органов муниципалитета; формы участия жителей муниципалитета в реализации вопросов местного значения.

В статье 43 профильного Федерального закона о местном самоуправлении [3] приведена совокупность муниципальных правовых актов, то есть устав муниципального образования, нормативные и иные акты представительного органа муниципального образования, правовые акты высшего должностного лица муниципалитета, постановления и распоряжения главы местной администрации.

По своей сущности муниципальное нормотворчество есть деятельность органов местного самоуправления и их должностных лиц по выработке, принятию, изменению или отмене муниципальных правовых актов.

В таком значении в исследовании нами будет пониматься дефиниция правовой категории муниципальное правотворчество.

В настоящее время самостоятельность местного самоуправления закреплена Конституцией Российской Федерации и конвенционным правом. Так, согласно статьи 15 Основного закона международно-правовые акты о местном самоуправлении являются частью правовой системы России. Более того, в Преамбуле Европейской хартии местного самоуправления прямо указано о праве граждан на участие в ведении государственных дел, что наиболее непосредственно может быть осуществлено именно на местном уровне [2]. Наряду с этим, статья 4 называемой Хартии определяет место актов местного самоуправления в системе нормативных правовых актов любого государства полнотой и исключительностью полномочий, которые могут быть поставлены под сомнение или ограничены только в законодательных рамках.

В отечественной научной литературе к роли актов местного самоуправления в системе нормативных правовых актов высказываются неоднозначно. Так, исследователь О. В. Кудрякова считает, что нормативные правовые акты местного самоуправления являются определенной частью

совокупности нормативных актов субъекта Федерации [7, 8].

Нами такой подход оценивается в определенной степени ограниченным. В виду того, что полномочия на принятие правовых актов органов местного самоуправления исходят от государства, то исследуемые правовые акты муниципалитетов являются частью как системы нормативных актов субъекта Федерации, так и правовой системы России.

Известный в отечественной науке В. П. Безобразов в своих научных трудах писал, что «самоуправление, не может быть иначе рассматриваемо, как в совокупности с общим организмом всего государственного механизма управления, в состав которого оно входит, как органическая часть единого целого» [6, 1].

Роль и значение нормативных актов местного самоуправления в совокупности нормативных правовых актов будет определено и понято с учетом многоуровневой правовой базы органов местного самоуправления. Основу такой базы образуют принципы и нормы международного права, в том числе международные договоры Российской Федерации, Конституция Российской Федерации, федеральные конституционные и федеральные законы один из которых базовый Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [3].

Значит можно утверждать, что правовые акты органов местного самоуправления является подсистемой в целом правовой категории система законодательства и, поэтому обладают всеми без исключения свойствами искомой.

На основании изложенного делаем вывод о правовых актах органов местного самоуправления:

- они являются частью российской правовой системы;
- являются источниками муниципального права;
- имеют единый предмет правового регулирования вопросы местного значения;
- выделяются вертикальной иерархической структурой;
- образуют в качестве составных частей нормативные правовые акты и часть статей

нормативных актов, непосредственно регламентирующих правоотношения в сфере местного самоуправления.

Рассмотрим норму Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», содержащейся в статьях 4 и 7, закрепившей трехуровневую систему законодательства об органах местного самоуправления [3].

Первый уровень – федеральный. Его образуют Конституция Российской Федерации, федеральные конституционные и федеральные законы, указы Президента Российской Федерации; постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации; нормативные правовые акты иных федеральных органов исполнительной власти.

Второй уровень - региональный (субъекты Федерации). Здесь имеется в виду конституции (уставы), законы, иные нормативные правовые акты субъектов Федерации.

Третий уровень - муниципальный, образованный нормативными правовыми актами органов и должностных лиц местного самоуправления.

Мы считаем, что уровень местного самоуправления характерен несогласованностью с вышестоящими уровнями, образуемыми по юридической силе входящих в них нормативных правовых актов.

Нами в исследовании сделан анализ применяемых видов муниципальных правовых актов и используется их классификация по таким основаниям:

- характер правовой информации;
- субъекты, использующие информацию;
- порядок принятия;
- форма муниципального правового акта.

Отсюда напрашивается вывод, что правовая сущность и совокупность муниципальных нормативных правовых актов вытекает из их автономности от органов законодательной и исполнительной государственной власти.

В искомую правовую совокупность входят устав, постановление, распоряжение, положение, что желательно классифицировать по разным основаниям: в зависимости от юридической силы, субъектов принятия акта, самой формы правового акта.

Правовые акты органов и должностных лиц местного самоуправления характерны и тем, что они имеют четко выстроенную вертикальную иерархическую структуру и по своей юридической сущности являются актами органов публичной власти. Такая правовая ситуация соотносится с

конституционно закрепленной автономности органов местного самоуправления от органов государственной власти и, особенно, от органов исполнительной власти.

Более того, правовой акт органов местного самоуправления является по своей сущности основанным на правовых нормах юридически властным решением, принятым прямым волеизъявлением людей, органом или должностным лицом местного самоуправления, устанавливающим, изменяющим или отменяющим правовые нормы органов местного самоуправления или являющимися основанием возникновения, изменения, прекращения муниципальных правоотношений для решения задач и полномочий органов местного самоуправления.

Вышесказанное позволило нам сделать вывод: система муниципальных правовых актов является непростым системным образованием, которое по своей численности и видовому составу не равен системе источников отечественного права. Объект пересечения образуют муниципальные нормативные правовые акты и акты, принятые в части делегированных полномочий, что сливаются с такой формой права как нормативные правовые акты, а также соглашения нормативного характера.

В своей совокупности муниципальные правовые акты имеют ненормативный характер, поэтому и в систему источников отечественного права не включены.

Поэтому вся совокупность нормативных и ненормативных актов муниципального образования представляет собой систему муниципально-правовых актов.

Речь идет о такой группе правовых актов: правоприменительные акты, акты, закрепляющие юридические факты, гражданско-правовые договоры с участием органов и должностных лиц местного самоуправления, интерпретационными актами, решениями органов территориального общественного управления.

В целом мы исходим из того, что муниципальные правовые акты есть правовая форма осуществления местной власти в муниципалитетах. Им придан статус общеобязательных на территории соответствующего муниципального образования.

Библиографический список:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993: (с учетом поправок, внесенных Законом РФ о поправках к Конституции РФ от 14.03. 2020 № 1-ФКЗ) // Российская газета. 2020. № 55-16.
2. Европейская хартия местного самоуправления (Страсбург, 15 октября 1985 г.) //СЗ РФ.1998. № 36. Ст. 4466.
3. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федеральный закон от 06 октября 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 2.07.2021 г.) // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.
4. О государственной регистрации уставов муниципальных образований [Электронный ресурс]: федеральный закон от 21.07.2005 № 97-ФЗ (ред. от 21.11.2011) // Справочная правовая система «Консультант Плюс». Разд. «Законодательство».
5. Антонова Н. А. Органы местного самоуправления: нормативные правовые акты: научно-практическое пособие / Н. А. Антонова. М: Дело, 2006.
6. Безобразов В. П. Государство и общество: Управление и самоуправление и судебная власть. СПб., 1882.
7. Кудрякова О. В. Правовые акты местного самоуправления: автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2000.

Гизатуллин Шамиль Файзиевич
Gizatullin Shamil Fayzievich

Студент Российской государственной академии интеллектуальной собственности,
юридический факультет.

УДК 34

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РАМКАХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ИНТЕГРАЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЕАЭС

LEGAL SUPPORT OF INNOVATION ACTIVITIES WITHIN THE FRAMEWORK OF THE INTEGRATION OF THE RUSSIAN FEDERATION INTO THE EAEU

Аннотация: в работе рассмотрены вопросы правового регулирования инновационной деятельности в Российской Федерации (далее РФ) в рамках осуществления интеграции Российской Федерации в ЕАЭС. Учитывая то, что на сегодняшний день инновации являются центральным фактором экономического роста, не только в РФ, но и во всем мире, а взаимодействие стран-партнеров в рамках ЕАЭС привержено устранению барьеров в области сотрудничества по всем направлениям, в том числе и в области правового обеспечения развития инноваций, рассматриваемая тематика носит значимый характер. Представляется, что данная сфера должна быть урегулирована на наднациональном уровне, то есть на уровне, который не определяется и не ограничивается национальным законодательством. Необходимо установление сопоставимых правил правового регулирования общего финансового рынка при условии, что оставшиеся различия не будут препятствовать его эффективному функционированию.

Abstract: the paper considers the issues of legal regulation of innovation activity in the Russian Federation (hereinafter referred to as the RF) within the framework of the integration of the RF into the EAEU. Considering that today innovations are the central factor of economic growth, not only in the RF, but also around the world, and the interaction of partner countries within the EAEU is committed to removing barriers in the field of cooperation in all areas, including in the field of legal support for the development of innovations, the topic under consideration is significant. It seems that this area should be regulated at the supranational level, that is, at a level that is not defined and is not limited by national legislation. It is necessary to establish comparable rules of legal regulation of the common financial market, provided that the remaining differences will not hinder its effective functioning.

Ключевые слова: правовое регулирование в области инноваций, инновационная деятельность, взаимодействие в рамках ЕАЭС, правовое регулирование.

Keywords: legal regulation in the field of innovation, innovation activity, interaction within the EAEU, legal regulation.

Современные процессы трансформации российской экономики, а также политические и социальные условия оказывают огромное влияние на развитие международного сотрудничества со странами-партнерами, разделяющими намеченный путь развития нашей страны и сформированные общеполитические взгляды.

Ярким примером международного сотрудничества, охватывающего, в том числе и вопросы инновационной деятельности является Евразийский экономический союз (ЕАЭС) члены-участники которого, составляют такие государства как: Республика Беларусь, Республика Казахстан, Республика Армения, Кыргызская Республика и Российская Федерация. Являясь стратегическими партнерами в области экономического развития и инноваций, государства ЕАЭС определили ключевые цели, направленные на повышение уровня жизни граждан, путем объединения рынков товаров, услуг, капитала и трудового рынка, а также на всестороннюю модернизацию, кооперацию и повышение конкурентоспособности национальных экономик.

Сегодня инновации являются центральным фактором экономического роста не только в РФ, но и во всем мире. ЕАЭС привержен устранению барьеров в области сотрудничества по всем направлениям взаимодействия среди государств-партнеров, в том числе и в области правового обеспечения развития инноваций, защите интеллектуальной собственности. Сотрудничество в рамках

ЕАЭС нацелено на содействие к созданию равных условий, которые позволят новаторам и компаниям в высокотехнологичных секторах занимать уверенные позиции на мировых рынках.

РФ всегда занимала ключевое место в области глобальных инноваций. Дальнейшие усилия, как социальном, экономическом, политическом, так и в правовом поле должны быть направлены на сохранение и укрепление этих позиций.

Во многих стратегических документах в РФ, одним из которых является Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденная Распоряжением Правительстве РФ от 02.06.2016 №1083-р, установлена цель, направленная на инновационное развитие экономики. О развитии инновационного потенциала нашей страны свидетельствуют данные официального сайта Федеральной службы государственной статистики, согласно которым уровень инновационной активности организаций в РФ возрос с 9,5% в 2010 г. до 11% в 2022 г. (рисунок 1).

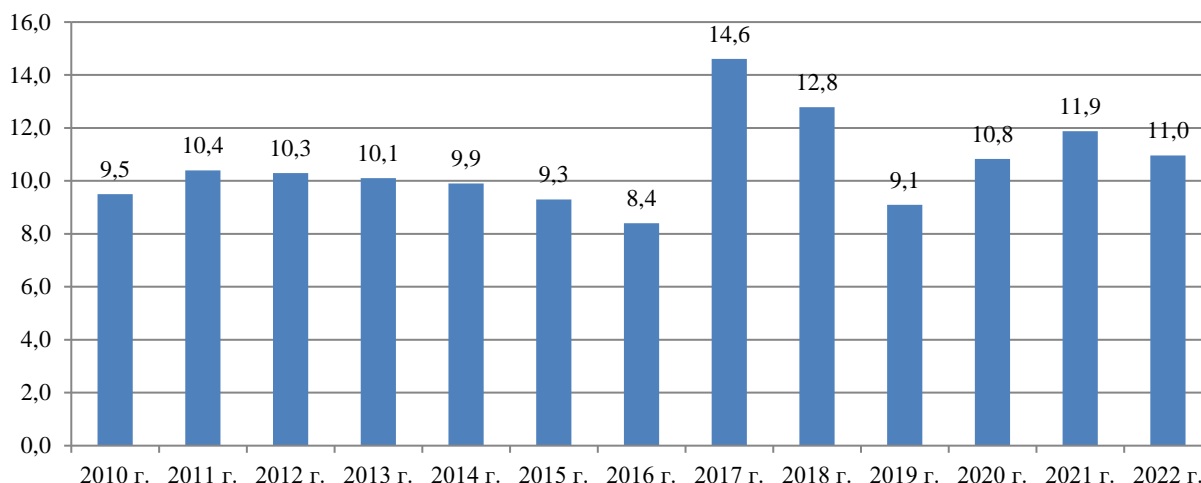

Рисунок 1 – Динамика уровня инновационной активности организаций в РФ, %

В то же время необходимо понимать, что страны ЕАЭС имеют разную динамику экономического развития и институциональных преобразований.

В международном сообществе, авторитетным является расчет Всемирной организацией интеллектуальной собственности – «Global Innovation Index» (ГИИ) или Глобальный инновационный индекс, который ранжирует мировые экономики в соответствии с их инновационным потенциалом. Исходя из оценки «ГИИ» РФ занимает 51-е место среди 132 экономик, включенных в ГИИ 2023 (рисунок 2). Из приведенного графика видно, что позиции стран ЕАЭС и РФ в их числе, существенно ослаблены, к 2023 году. На данное снижение оказывает влияние экономические и политические изменения, происходящие в мировом масштабе, внутригосударственные факторы, а также несовершенство правового регулирования рассматриваемой сферы.

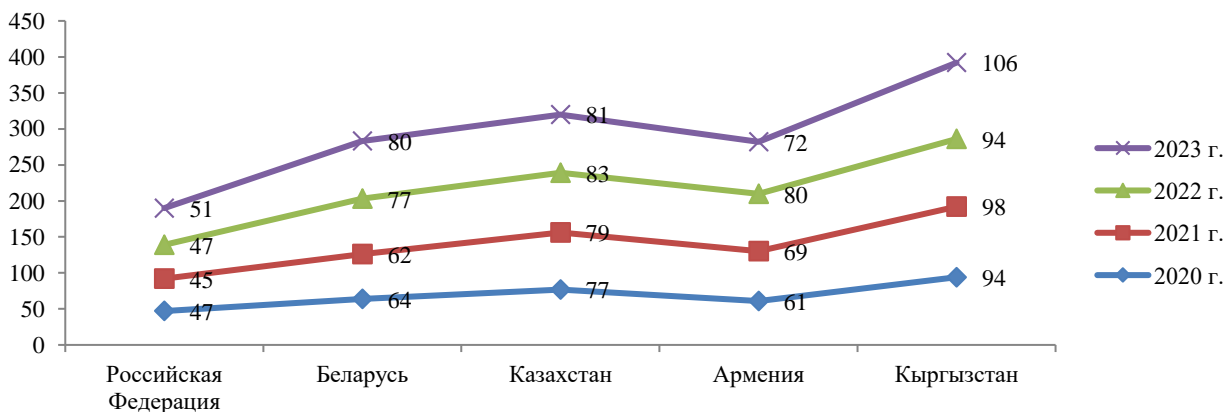

Рисунок 2 – Рейтинг отражающий место стран ЕАЭС в Глобальном инновационном индексе

Исходя из выявленной проблематики, обратимся к рассмотрению законодательства РФ в части регулирования инновационной деятельности.

Система законодательства РФ в части регулирования инновационной деятельности делится на два больших уровня: законодательный (Конституция РФ Федерация; Законы о внесении изменений в Конституцию; Федеральные конституционные законы; Федеральные законы; Законы РФ) и уровень подзаконных актов (Указы Президента РФ; Постановления Правительства РФ; Распоряжения Министерства и ведомства РФ; акты органов местного самоуправления и т.д.).

Так, Конституция РФ (п. 4 ст. 15) устанавливает пределы влияния норм ЕАЭС на внутреннее законодательство, исходя из юридической силы актов, формулировкой: «Общепринятые принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются неотъемлемой частью его правовой системы. Если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора» [1].

Важную роль в применении международного права на территории РФ играет Конституционный Суд РФ, который в соответствии с пунктом 4 статьи 3 Федерального конституционного закона «О конституционном суде РФ» обладает исключительными полномочиями по толкованию норм Конституции РФ.

Среди правовых документов регулирующих деятельность ЕАЭС в области инноваций можно выделить следующие.

Из положений ст. 4 Договора о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) следует, что одной из основных целей межгосударственного взаимодействия членов-участников выступает всесторонняя модернизация в условиях глобальной экономики [2].

В рамках исполнения Решения Высшего Евразийского экономического совета № 12 от 11 декабря 2020 г. сформировано направление под пунктом 8, закрепляющее вопросы совместного мониторинга и прогнозирования технологических разработок инновационных компаний, а также проведение исследований в сфере научно-технологического и инновационного развития. Также данный правовой документ, закрепляет совместное определение критериев и инновационных проектов в сферах, представляющих взаимный интерес [4].

В пп. 3 п. 5 Решения Высшего Евразийского экономического совета № 28 от 16 октября 2015 г. «Об Основных направлениях экономического развития Евразийского экономического союза» отмечается недостаточность позиций стран-участников ЕАЭС в мировой экономике, в связи, с чем предлагается создание необходимых, в том числе и правовых условий для эффективного инновационного развития, с учетом мирового опыта и практики применения.

Значимым актом, регулирующим инновационную предпринимательскую деятельность стран-участников ЕАЭС является Решение Евразийского межправительственного совета № 8 «О паспорте проекта «Евразийская сеть промышленной кооперации, субконтрактации и трансфера технологий» от 12.08.2019 г.

Также следует выделить ряд правовых документов носящих декларативный и рекомендательный характер:

– Во втором разделе Распоряжения Высшего Евразийского экономического совета № 9 от 06 декабря 2018 г. «О мерах по реализации Декларации о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза» отражены вопросы формирования «территории инноваций» и стимулирование научно-технических прорывов, в рамках которых должна быть сформирована устойчивая система обеспечивающая в том числе, беспрепятственный интернет-трафик, создание условий взаимодействия национальных платежных систем и пр.

– Рекомендация Коллегии ЕЭК № 26 от 29 июня 2022 г. «О приоритетах и долгосрочном прогнозе научно-технического развития Евразийского экономического союза» рекомендует при реализации научно-технической политики принять во внимание приоритеты и долгосрочный прогноз научно-технического развития государств-членов ЕАЭС.

– Рекомендация Коллегии ЕЭК № 27 от 01 июля 2022 г. «О внедрении современных методов технологического прогнозирования» содержат рекомендации по совершенствованию действовавших до даты публикации, методов технологического прогнозирования, направленных на достижение условий экономической интеграции до 2025 г.

– Рекомендация Коллегии ЕЭК № 38 от 19 сентября 2022 г. «О едином межгосударственном кодификаторе для формирования национальных баз данных по науке, в том числе по технологиям» направлена на стандартизацию национальных баз данных по науке, в том числе по технологиям и иные Рекомендации Коллегии ЕЭК.

Нельзя не отметить, что в рамках международного сотрудничества в ЕАЭС сформированы отдельные отраслевые правовые документы в сферах промышленности, агропромышленного комплекса и транспорта. В обобщенном виде данный массив правовых документов обеспечивает регулирование реализации совместных программ и проектов, НИОКР, объединение технологических платформ, проведение совместных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, а также объединение усилий в области развития науки и инноваций.

Примером эффективного инновационного взаимодействия в правовом поле, среди стран-участников ЕАЭС может выступить действующий «Портал общих информационных ресурсов и открытых данных», который является эффективным инструментом обеспечивающим доступ к информационным ресурсам стран ЕАЭС, например к единым реестрам лекарственных средств как соответствующих требованиям, так и фальсифицированным / контрафактным, уполномоченных лиц производителей лекарственных средств и прочих.

Исходя из рассмотренных выше положений, можно сделать вывод, о том, что сформированный на сегодняшний день массив правовых документов регламентирующих деятельность ЕАЭС и взаимодействие между государствами-членами евразийского партнерства представляет собой полисистемный комплекс норм права, сформированный в соответствии с общепризнанными нормами и принципами международного права. Схожее мнение разделяет ряд современных исследователей, к числу которых можно отнести выводы Б.А. Шахназарова [6], А.В. Сухорукова [5] и др.

Принимаемые правовые документы в рамках международного сотрудничества государств-членов в сфере инноваций направлены на обеспечение эффективного взаимодействия в рамках совместной деятельности, в том числе в области торговли, а также предотвращение и устранение возможных барьеров на пути движения товаров, капитала и услуг.

Несмотря на достаточно обширный массив правовых документов, регламентирующих вопросы инновационной деятельности в государствах-членах ЕАЭС необходимо дальнейшее развитие данного институционального механизма обеспечения международного права. Данная сфера должна быть урегулирована на наднациональном уровне, то есть на уровне, который не определяется и не ограничивается национальным законодательством. Необходима интеграция правовых документов не только на уровне международного сотрудничества, но и формирование четкого и полноценного массива правовых документов, которые на сегодняшний день носят по большей части разрозненный, фрагментарный характер.

Основной задачей дальнейшего развития и гармонизации законодательства государств-членов ЕАЭС на наш взгляд является установление сходных (сопоставимых) правил правового регулирования общего финансового рынка при условии, что оставшиеся различия не будут препятствовать его эффективному функционированию.

Создание качественно проработанной правовой и институциональной базы позволит странам-партнерам ЕАЭС максимально эффективно развиваться в направлении инновационной деятельности, а также в иных направлениях партнерского взаимодействия.

Библиографический список:

1. Конституция Российской Федерации (с изменениями на 4 октября 2022 года). Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/9004937?section=status>, дата обращения 03.10.2023.
2. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (в ред. от 3 апреля 2023 г.). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/0be36c1fcadd0cdd1f8c0984ef99fbc7d8da61b9/?ysclid=lnqon6hdp1509059993, дата обращения 11.10.2023.
3. Распоряжение Правительства РФ № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» от 20 мая 2023 г. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_447895/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/?ysclid=lnqooc84o4802389140, дата обращения 10.10.2023.
4. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 № 12 «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_375194/?ysclid=lnqoqlrhxs1852804, дата обращения 13.10.2023.

5. Сухоруков А.В. Роль актов ЕАЭС в правовом регулировании инновационной предпринимательской деятельности в Российской Федерации / А.В. Сухоруков // Образование и право. – 2022. – №4. – С. 204 – 209.
6. Шахназаров Б.А. Эволюция правового регулирования интеграционных процессов в рамках деятельности Евразийского экономического союза (частноправовой аспект) / Б.А. Шахназаров // Юрист. – 2020. – №9. – С. 20 – 30.
7. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science>, дата обращения 14.10.2023

Кабанова Ирина Валерьевна
Kabanova Irina Valerievna

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Курский государственный университет»

УДК 34

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ В РОССИИ

LEGAL REGULATION OF HEALTH PROTECTION IN RUSSIA

Annotation: The constitutional right to health protection and medical care is one of the fundamental human rights. The article analyzes the regulatory sources regulating the rights of citizens in the field of health protection, the directions of development of legislation in the field of health care. Aspects of medical law of the Republic of Kazakhstan are considered.

Аннотация: Конституционное право на охрану здоровья и медицинскую помощь относится к числу основополагающих прав человека. В статье произведен анализ нормативных источников, регулирующих права граждан в сфере охраны здоровья, направления развития законодательства в сфере здравоохранения. Рассмотрены аспекты медицинского права Республики Казахстан.

Keywords: Constitution, constitutional rights, social rights, right to health protection, health.

Ключевые слова: Конституция, конституционные права, социальные права, право на охрану здоровья, здоровье.

В Уставе Всемирной Организации Здравоохранения заключен следующий принцип: «обладание наивысшим достижимым уровнем здоровья является одним из основных прав всякого человека без различия расы, религии, политических убеждений, экономического или социального положения» [1].

Право на охрану здоровья относится к социальным правам и свободам человека и гражданина – правам второго поколения. Назначение этой группы прав состоит в том, что они «призваны обеспечить удовлетворение важнейших жизненных нужд индивида, без которых не может быть и речи о нормальном человеческом бытии. Социальные права играют все более активную роль в реализации основных целей социальной политики, способствуют повышению благосостояния народа, достижению принципа социальной справедливости» [2].

Право на здоровье является одним из согласованных на международном уровне стандартов в области прав человека и неотделимо от других прав. Оно гарантировано статьей 25 Всеобщей декларации прав человека и статьей 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах. Право на охрану здоровья начали закреплять в конституциях государств в середине XX века. Ранее это право было отражено в Веймарской Конституции 1919 года, а также в Конституции СССР 1936 года. В советской конституции не было отдельной статьи, посвященной охране здоровья, но указывались государственные гарантии трудящимся гражданам страны, такие как бесплатная медицинская помощь, предоставление в пользование широкой сети курортов, расширение сети оздоровительных учреждений, развитие массового спорта, физической культуры. Выше указанные конституции оказали большое влияние на мировое общественное сознание, на признание концепции социального государства. Право на здоровье и (или) здравоохранение сегодня признается в 115 конституциях государств [3].

Первым всеобъемлющим правовым актом в сфере охраны здоровья в нашей стране являлись Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении от 19 декабря 1969 г. В них содержались как правовые нормы, регулировавшие частные отношения между врачом и пациентом, так и акты, имеющие публичную природу и регулировавшие функционирование системы государственных медицинских учреждений [4].

Отдельная статья, закрепляющая право граждан СССР на охрану здоровья, появилась в Конституции 1977 года [5]. Это право обеспечивалось рядом гарантий, в том числе такими как оказание бесплатной квалифицированной медицинской помощи, расширение сети учреждений для лечения и укрепления здоровья граждан, развертывание научных исследований, направленных на предупреждение и снижение заболеваемости, на обеспечение долголетней активной жизни граждан.

В настоящее время статьей 41 Конституции Российской Федерации [6] каждому гарантировано право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Статьей 2 Конституции Российской Федерации установлено, что соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина является обязанностью государства.

«В гарантировании прав и свобод человека и гражданина участвует весь механизм государства, все государственные органы. В соответствии с Конституцией РФ права и свободы человека и гражданина «определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием» (ст. 18). Из этой конституционной формулы вытекает, что главным ориентиром законодателя при принятии законов становятся права человека.

Исходя из этого принципа, Федеральное Собрание РФ призвано регулировать и защищать права и свободы граждан посредством принятия законов. Президент РФ является гарантом Конституции РФ, прав и свобод человека и гражданина (ст. 80 Конституции РФ)» [7].

Охрана здоровья – это достаточно широкое понятие, которое включает в себя не только предоставление населению доступной медико-социальной помощи, но и охрану окружающей природной среды, производство и реализацию доброкачественных продуктов питания, создание благоприятных условий труда, быта, отдыха, воспитания и обучения граждан. Соответственно все эти аспекты не могли быть отражены в Конституции, поэтому они отражены в федеральных законах и иных нормативных правовых актах Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Принято значительное количество законодательных актов, затрагивающих вопросы прав граждан в сфере охраны здоровья граждан и оказания медицинской помощи. Анализируя законодательство по теме, в справочной правовой системе «Гарант» словосочетание «охрана здоровья» содержится в 1504 федеральных законах и 305 региональных законах. Также нормативно-правовая база в сфере здравоохранения включает огромное количество Указов Президента Российской Федерации, постановлений Правительства Российской Федерации, постановлений главного государственного санитарного врача Российской Федерации, приказов Министерства здравоохранения Российской Федерации. Эти нормативно правовые акты, в свою очередь, в качестве приложений включают более тысячи инструкций, положений, методических документов, регламентирующих все виды профессиональной деятельности отрасли. Кроме специального отраслевого законодательства отдельные нормы охраны здоровья граждан, заложены в рамках гражданского, уголовного, административного, семейного, налогового права.

Такое многообразие нормативных правовых актов можно объяснить реформированием здравоохранения, развитием медицинской науки и технологий, появлением новых медицинских специальностей, развитием частных клиник, разработкой и внедрением новых медицинских технологий и лекарственных средств, что ведет к становлению новых форм отношений, требующих регламентации. Решение всех проблем охраны здоровья граждан невозможно без социально ориентированной государственной политики и ее законодательного обеспечения.

Основные правовые, организационные и экономические положения охраны здоровья граждан закреплены в Федеральном законе от 21 ноября 2011 года №323-ФЗ "Об основах *охраны здоровья* граждан в Российской Федерации". Под охраной здоровья законодатель понимает систему мер различного характера, осуществляемых различными органами публичной власти, организациями и гражданами в целях профилактики заболеваний, сохранения и укрепления здоровья, поддержания долголетней жизни, предоставление медицинской помощи [8].

Далее все законодательные акты условно можно разделить на группы.

В первую группу можно отнести законы и подзаконные правовые акты, регулирующие отдельные виды медицинской деятельности – это, например, Закон РФ от 2 июля 1992 г. №3185-1 "О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании", Федеральный закон от 20 июля 2012 г. №125-ФЗ "О донорстве крови и ее компонентов", Федеральный закон от 23 июня 2016 г. №180-ФЗ "О биомедицинских клеточных продуктах", Приказ Министерства здравоохранения РФ от 13 марта 2023 г. N 104н "Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи взрослому населению по профилю "эндокринология", Приказ Министерства здравоохранения РФ от 20 июня 2013 г. N 388н "Об утверждении Порядка оказания скорой, в том числе скорой специализированной, медицинской помощи".

В следующую группу можно выделить правовые акты профилактической направленности: Федеральный закон от 30 марта 1999 г. N 52-ФЗ "О санитарно-эпидемиологическом благополучии

населения", Федеральный закон от 10 января 2002 г. N 7-ФЗ "Об охране окружающей среды", Федеральный закон от 23 февраля 2013 г. N 15-ФЗ "Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции", Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. N 329-ФЗ "О физической культуре и спорте в Российской Федерации" и другие.

К третьей группе относятся нормативно-правовые акты, регулирующие финансирование здравоохранения, например, Федеральный закон от 29 ноября 2010 г. N 326-ФЗ "Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации", Постановление Правительства РФ от 26 декабря 2017 г. N 1640 "Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Развитие здравоохранения", Указ Президента РФ от 07.05.2018 N 204 (ред. от 21.07.2020) Федерации "О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года".

В четвертую группу можно отнести нормы трудового, административного, уголовного кодексов, определяющие ответственность медицинских работников за нарушения в сфере охраны здоровья граждан.

Такой огромный массив нормативно-правовых актов требует упорядочения и систематизации. Директор Института законодательства и сравнительного правоведения Т.Я. Хабриева в Концепции развития российского законодательства отмечала, что законодательство в сфере охраны здоровья граждан относится к числу тех отраслей российского законодательства, которые остро нуждаются в скорейшей систематизации с целью устранения множественности актов, дублирования, декларативности норм, а также прекращения действия огромного количества подзаконных актов советского времени, определить фактическое и юридическое действие которых в настоящее время практически невозможно [9].

Исходя из проведенного анализа законодательства, можно сделать вывод, что в нашей стране создана правовая основа для дальнейшего совершенствования системы здравоохранения, направленная на реализацию конституционного права граждан на охрану здоровья и получение медицинской помощи надлежащего качества. Одной из возможных форм совершенствования права является кодификация, как наиболее совершенный метод реформирования законодательства. Кодификации должно подвергаться уже существующее, апробированное и разветвленное законодательство.

В качестве примера можно использовать Кодекс Республики Казахстан от 7 июля 2020 года № 360-VI «О здоровье народа и системе здравоохранения» [10]. В республике Казахстан — это не первый медицинский Кодекс, поэтому есть возможность изучить практику их применения, выделить негативные и положительные аспекты. «Становление «медицинского» законодательства в Казахстане за более, чем двадцатилетний период, показало, что правовое регулирование в сфере охраны здоровья, прошло непростой путь – от первых Законов об охране здоровья, включавших общие положения и принципы, до кодифицированных актов, содержащих наряду с ранее известными нормами, подробное изложение вопросов финансирования, лицензирования, цифрового здравоохранения. Шагом вперед стало введение солидарной ответственности граждан, работодателей и государства за сохранение здоровья. Не последнюю роль в совершенствовании правового регулирования охраны здоровья сыграли Международные стандарты в соблюдении права на здоровье, важнейшие из которых были имплементированы в национальное законодательство» [11].

Об успешном реформировании «медицинского» законодательства в Казахстане можно судить и по его позиции в рейтинге эффективности системы здравоохранения Bloomberg – в 2018 году Казахстан занял 44 место среди других стран мира (в 2013-2014 г.г. он даже не был включен в этот рейтинг). В то время как России в 2013-2014 г.г. занимала 51 место в рейтинге в 2018 году понизила свои результаты до 53 места. В рейтинге Numbeo по уровню медицинского обслуживания Россия занимает 58 место, Казахстан выше на две позиции - 56 место.

Также нельзя забывать и исторический опыт России, как отметил на заседании рабочей группы по кодификации законодательства в сфере здравоохранения Президент Национальной Ассоциации Заслуженных врачей Виктор Егоров: «Началом кодификации правовой регламентации медицинской деятельности в России можно считать 1857 год, когда появился Врачебный Устав. Опираясь на исторический опыт России, современные тенденции развития здравоохранения, принимая во внимание реализующуюся государственную программу Российской Федерации «Развитие здравоохранения», есть основание полагать, что кодификация позволит сформулировать приоритеты государственной политики в сфере охраны здоровья граждан, укрепить правопорядок,

законность, качественно улучшить содержание норм права в сфере охраны здоровья» [12].

Также, создание Кодекса будет способствовать:

- а) упрощению доступа к законодательству и его пониманию для всех заинтересованных сторон;
- б) улучшению прозрачности и ясности законодательства, что способствует его эффективной реализации и соблюдению;
- в) обеспечению единообразия и consistency законов и правил в сфере охраны здоровья;
- г) созданию основы для систематического обновления и развития законодательства в соответствии с изменяющимися потребностями и технологиями в области охраны здоровья.

В современных условиях достаточно динамичного общественного развития кодификация законодательства в сфере здравоохранения является важным инструментом для обеспечения качественной и эффективной охраны здоровья граждан и общественного благосостояния.

Библиографический список:

1. Устав (Конституция) Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) Принят в г. Нью-Йорке 22.07.1946 (с изм. от 24.05.1973) // Министерство здравоохранения - Издательство "Медицина", ВОЗ, Женева, 1968 год.
2. Нудненко Л. А. Конституционное право России : учебник для вузов / Л. А. Нудненко. — 8-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. — 527 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-15766-6. — Текст электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. с. 260 — URL: <https://www.urait.ru/bcode/509647/p.260> (дата обращения: 06.04.2023).
3. Право на здоровье. Изложение фактов N 31. Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека и Всемирная организация здравоохранения. URL: <https://www.ohchr.org/Documents/Publications/Factsheet31ru.pdf>. (дата обращения 06.04.2023)
4. Гришаев С.П. "Комментарий Закона об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" (Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2011)
5. "Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик" (принята ВС СССР 07.10.1977)// опубликована "Ведомости ВС СССР", 1977, N 41, ст. 617
6. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. С изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.]// Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001> (дата обращения: 29.01.2023).
7. Нудненко Л. А. Конституционное право России : учебник для вузов / Л. А. Нудненко. — 8-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. — 527 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-15766-6. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. с. 280 — URL: <https://www.urait.ru/bcode/509647/p.280> (дата обращения: 05.04.2023).
8. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. N 323-ФЗ "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" // СПС "КонсультантПлюс".
9. Герасименко Н.Ф., Лисовский Д.А. Формирование кодекса законов об охране здоровья населения в Российской Федерации. Здравоохранение Российской Федерации. 2020;64(4): 202-208. URL: <https://doi.org/10.46563/0044-197X-2020-64-4-202-208>
10. Кодекс Республики Казахстан от 7 июля 2020 года № 360-VI «О здоровье народа и системе здравоохранения» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.07.2023 г.) Опубликован: «Казахстанская правда» от 8 июля 2020 г. № 130 (29257); ИС «Эталонный контрольный банк НПА РК в электронном виде» 10 июля 2020 г.; Ведомости Парламента РК, 2020 год, июль, № 15-II (2809), ст. 76
11. Жапарова А.С. Правовое регулирование охраны здоровья в Казахстане: уроки прошлого и опыт настоящего// Кұқық және мемлекет 2021, № 1 (90). – С. 54-72. DOI: 10.51634/2307-5201_2021_1_54
12. Вопрос кодификации законодательства в сфере здравоохранения будет рассмотрен на рабочей группе // Сайт уполномоченного по правам человека в Московской области // URL: <https://upch.mosreg.ru/sobytiya/novosti-upolnomochennogo/22-09-2020-17-28-09-vopros-kodifikatsii-zakonodatelstva-v-sfere-zdravo> (дата обращения 26.08.2023)

Нгуен Тан Зунг
Nguyen Tan Dung

курсант, 5 курс, 2 факультет
Курганский пограничный институт, Россия, г. Курган

УДК 342.7

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ

ENSURING HUMAN RIGHTS IN CYBERSPACE

Аннотация: В настоящее время человек и общество существуют и функционируют в условиях развития информационных и цифровых технологий. Инновации в ИТ-сфере становятся нормой повседневного существования и взаимодействия. С каждым годом интеграция человека, общества и государства в виртуальный мир только усиливается: все большее количество аспектов традиционной жизнедеятельности перетекают в киберпространство (коммуникации, развлечение, работа, покупки и т.д.).

Abstract: At present, a person and society exist and function in the conditions of the development of information and digital technologies. IT innovations are becoming the norm of everyday existence and interaction. Every year, the integration of a person, society and the state into the virtual world only intensifies: an increasing number of aspects of traditional life activity flow into cyberspace (communications, entertainment, work, shopping, etc.).

Ключевые слова: киберпространство, цифровое право, права человека.

Key words: cyberspace, digital law, human rights.

Модель построения и функционирования виртуального пространства не позволяет регулировать отношения в этой среде классическими, традиционными моделями правового регулирования. В частности, это связано с трудностями функционирования и восприятия субъектов киберпространства - ими нельзя управлять с помощью правовых норм в классическом понимании, поскольку сама виртуальная среда предопределяет некоторую скрытность, анонимность существования. Идентифицировать субъект (его пол, возраст, личность) в таких условиях довольно сложно¹.

Высокий уровень анонимности в виртуальном пространстве также взаимосвязан с повышенным интересом криминальных и незаконных субъектов и структур к этой сфере. В настоящее время можно говорить о функционировании теневого, криминального сектора Интернета – Darknet (данное понятие можно рассматривать по аналогии с теневым рынком в экономической сфере). Реализация кибератак, мошенничества, экстремистская и террористическая деятельность, распространение запрещенных веществ и предметов, а также материалов – все это успешно функционирует и развивается в виртуальном пространстве. Данный аспект накладывает отпечаток на реализацию возможных моделей правового регулирования киберпространства: в частности, в рамках ограждения общества от негативных проявлений и влияний виртуальной среды некоторые государства вынуждены реализовывать сложное, закрытое правовое регулирование данной сферы (в качестве примера можно привести Китай с закрытым Интернетом).

Особенностью виртуального пространства выступает высокая степень (темп) изменений и возможность влияния на данный процесс любого субъекта виртуального пространства посредством использования кодов (языков программирования).

В отличие от реального (физического) мира изменения в киберпространстве рождаются и реализуются молниеносно. Причем их направленность и концепцию определяет не государство через политику, документы стратегического планирования и т.п., а рядовые пользователи. Идеи свободного Интернета (понятие, связанное с отсутствием правового регулирования со стороны государства) неоднократно поднимаются как за рубежом, так и в России, поскольку правовое регулирование этого явления выходит далеко за рамки классического понимания правового надзора со стороны государственных органов и должностных лиц.

¹ Цифровые права [Электронный ресурс] // Интернет-ресурс «Wikipedia. org». URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Цифровые_права (дата обращения: 08.10.2023).

Подробно анализируя современные отношения в сети Интернет, можно отметить, что их регулирование формируется стихийно на основе определенных традиций, обычаев, набора технических и социальных норм. В частности, администраторы сайтов и форумов создают и реализуют собственные правила поведения и общения на том или ином интернет-ресурсе, за нарушение которых следуют определенные санкции (например, блокировка, отказ в доступе на определенное время и т. д.). С одной стороны, такой набор методов и способов регуляции поведения человека способствует достижению определенного уровня регуляции виртуального пространства.

С другой стороны, такая хаотичность затрудняет выработку стандартного набора прав и обязанностей киберпространства, а также дает возможность субъектам виртуального пространства диктовать свои условия и правила, которые зачастую коррелируют с достижением личных интересов и целей таких предметов.

Цифровые права — это права человека (непосредственно юридические права), которые позволяют лицам получать доступ и общаться в Интернете с помощью компьютеров или других электронных (технических) устройств. Кроме того, понятие цифровых прав взаимосвязано обеспечением защиты личности и реализации других прав (таких как неприкосновенность, свобода слова, убеждений, свобода выбора) в рамках виртуального пространства.

Отдельные эксперты и издания (например, журнал *La Civiltà Cattolica*) относят к цифровым правам (интернет-правам) большой объем классических прав и свобод человека и гражданина, такие как²:

- свобода выражения;
- конфиденциальность;
- свобода объединений;
- право на образование;
- права потребителей;
- право на самоопределение;
- права на культурное разнообразие и т.д.

Этот объем прав в европейском понимании именуется цифровым, поскольку так или иначе они связаны (возможность реализации) с Интернетом. С этой точки зрения можно наблюдать расширение действия классических прав, которые имеют возможность и реализуются, в том числе и в виртуальном пространстве. Называть этот объем прав и свобод исключительно цифровыми не позволяет логика построения действующего законодательства и возможности их реализации за пределами киберпространства (а в реальной жизни эти права реализуются гораздо чаще). Скорее, они имеют фундаментальный, расширенный характер реализации, образуя группу необходимого набора прав и свобод человека и гражданина, достаточного как в реальном, так и в виртуальном пространстве.

Право на доступ к Интернету по своей природе является чисто цифровым. В некоторых штатах это право закреплено в национальном законодательстве. Например, во Франции в 2009 году решением Конституционного совета право на доступ в Интернет было признано одним из основных прав человека.

Впоследствии было обновлено законодательство, запрещающее ограничивать доступ в Интернет без решения суда (правоохранительные органы лишились возможности самостоятельно блокировать доступ в сеть для тех, кто после предупреждений продолжал скачивать нелегальные материалы).

В Греции право доступа в Интернет регулируется Конституцией (статья 5А), которая гарантирует участие всего населения в информационном обществе (цифровая сфера рассматривается как неотъемлемая часть информационного общества). В Испании правительство стремится предоставить доступ в Интернет каждому гражданину государства по разумной цене.

Важность цифрового пространства и прав в данной сфере была отмечена на международной арене еще в 2001 году – принята Хартия прав Ассоциацией прогрессивных коммуникаций (АРС) в Интернете. Хартия не содержит чисто цифровые права, а направлена на реализацию положений Всеобщей декларации прав человека с учетом специфики киберпространства. Данный документ ретранслирует важность обеспечения следующих прав в виртуальном пространстве:

- доступ в Интернет для всех;
- свобода слова и ассоциация;

² Цифровые права [Электронный ресурс] // Интернет-ресурс «Wikichi.ru». URL: https://wikichi.ru/wiki/Digital_rights (дата обращения: 10.10.2023).

– доступ к знаниям, совместное обучение и творчество – бесплатное программное обеспечение с открытым исходным кодом и разработка технологий;

– конфиденциальность;

– наблюдение и шифрование;

– управление Интернетом;

– осведомленность, защита и реализация прав.

Таким образом, европейски опыт показывает не только направленность на принятие и выделение (обособление) исключительно цифровых прав (ярким примером здесь выступает право на доступ в Интернет), но и обеспечение реализации классического правового статуса человека и гражданина в виртуальном пространстве.

Оценивая современное положение российского законодательства, можно отметить, что цифровые права не только как самостоятельная отрасль, но даже легальная трактовка данного понятия как совокупности прав и обязанностей в сети Интернет в российском законодательстве отсутствует. В стратегических документах можно встретить понятие «цифровая экономика» (Стратегия развития информационного общества³), которая по своей природе связана с использованием цифровых технологий и реализацией в виртуальном пространстве, то есть в довольно тесной взаимосвязи она находится с реализацией цифровых прав.

В 2019 году законодатель ввел в российское законодательство институт цифрового права. Однако смысловая нагрузка данного института и понятия не имеет ничего общего с представлениями о правовом статусе человека и личности в виртуальном пространстве и понятием цифровых прав, формирующимся в международном праве⁴.

Необходимость введения понятия «цифровые права» в российское гражданское право изначально объяснялась стремлением найти более соответствующий отечественным правовым традициям термин. В частности, в пояснительной записке к законопроекту № 424632-7, ставшему впоследствии Федеральным законом от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»⁵, которым в ГК РФ и были введены цифровые права, специально подчеркивалось: «Проект вводит в гражданское законодательство базовое понятие “цифровые права” (вместо термина “токен”, который изначально обозначает устройство для идентификации, а сейчас стал использоваться в IT-лексиконе для обозначения шифров, владение которыми дает в сети определенные возможности, предлагается отвечающее традициям российского права понятие “цифровое право”)⁶. Сущность цифровых прав как новой юридической фикции близка к сущности ценной бумаги, поэтому под таким правом предлагается понимать совокупность электронных данных (цифровой код, обозначение), которая удостоверяет права на объекты гражданских прав (п. 1 новой статьи 141.1 ГК РФ). Разумеется, цифровые права могут удостоверить лишь права на вещи, иное имущество, результаты работ, оказание услуг, исключительные права⁷.

В научных кругах не только понимание, но и выделение цифровых прав в отдельную отрасль является дискуссионным и дискуссионным вопросом. Точка зрения противников независимости цифровых прав в настоящее время является самой популярной и распространенной. Приводя в качестве примера аргументы данного положения, указываются наиболее проблемные и актуальные вопросы⁸:

– для выделения цифровых прав в качестве самостоятельной отрасли необходимо наличие

³ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы: Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 [Электронный ресурс] // Справочно-информационная система «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71570570/> (дата обращения: 12.10.2023).

⁴ Васильев А. Термин «цифровое право» в доктрине и правовых текстах // Юрислингвистика. 2019. № 11. С. 15 – 18.

⁵ О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: Федер. закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 12. С. 1224.

⁶ Заключение Правового управления, подготовленное к рассмотрению законопроекта в первом чтении (по поручению Совета Государственной Думы (протокол от 09.10.2018 № 111, пункт 66) [Электронный ресурс] // Интернетпортал «Системы обеспечения законодательной деятельности». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/80410-7> (дата обращения: 12.10.2023).

⁷ Рожкова М. А. Цифровые права: публично-правовая концепция и понятие в российском гражданском праве // Хозяйство и право. 2020. № 10. С. 3 – 12.

⁸ Рожкова М. А. Является ли цифровое право отраслью права и ожидать ли появление цифрового кодекса // Хозяйство и право. 2020. № 4. С. 5 – 11.

специальных (самостоятельных) предмета и метода правового регулирования, которые у цифровых прав отсутствуют. Данная отрасль реализуется в специфической виртуальной сфере – цифровой реальности, но при этом выделять какие-либо специальные (отличительные) методы регулирования в данной сфере не приходится;

– цифровые права объединяет большое количество уже существующих норм из разных отраслей сложившейся российской правовой системы. Такая большая «распыленность» по другим отраслям также препятствует выделению цифровых прав в отдельную отрасль.

При этом цифровые права (интернет-права) в объективном смысле как совокупность норм права, регулирующих отношения по поводу применения Интернета, характеризуются рядом особенностей⁹:

– отношения в сфере Интернета могут регулироваться на уровне технического кода;

– цифровые права объединяют предметное единство по поводу разрешения с помощью юридических, технических и программных средств целого ряда системных вопросов использования интернет-пространства (юрисдикция, защита информации, виртуальная валюта и т.п.);

– цифровые отношения протекают в особой интернет-среде и приобретают виртуальный характер.

Необходимость регулирования киберпространства и, как следствие, принятие и реализация цифровых прав предопределены современными условиями и активной цифровизацией и информатизацией. Как выяснилось, цифровые права в настоящее время актуальны и не подчиняются классическим законам правового регулирования. Основной целью этой формирующейся отрасли является регулирование поведения в виртуальном (цифровом) пространстве.

Постепенно как в международно-правовом пространстве, так и в национальном законодательстве предпринимаются попытки регулирования виртуального пространства. Зарубежный опыт отражает направленность не только на принятие и выделение (обособление) исключительно цифровых прав, но и на обеспечение реализации классического правового статуса человека и гражданина в виртуальном пространстве.

В российских реалиях сложилась неоднозначная и прагматичная ситуация: с одной стороны, в научном сообществе доминирует позиция противников выделения цифровых прав в самостоятельную отрасль права, тогда как законодатель интегрирует институт цифровых прав в гражданское право, как совокупность электронных данных, удостоверяющих права на объекты гражданских прав. Это положение усложняет и без того сложное отношение к пониманию и реализации цифровых прав в России.

Библиографический список:

1. Васильев А. Термин «цифровое право» в доктрине и правовых текстах // Юрислингвистика. 2019. № 11. С. 15 – 18.

2. Заключение Правового управления, подготовленное к рассмотрению законопроекта в первом чтении (по поручению Совета Государственной Думы (протокол от 09.10.2018 № 111, пункт 66) [Электронный ресурс] // Интернетпортал «Системы обеспечения законодательной деятельности». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/80410-7> (дата обращения: 12.10.2023).

3. О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: Федер. закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 12. С. 1224.

4. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы: Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 [Электронный ресурс] // Справочно-информационная система «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71570570/> (дата обращения: 12.10.2023).

5. Рожкова М. А. Цифровые права: публично-правовая концепция и понятие в российском гражданском праве // Хозяйство и право. 2020. № 10. С. 3 – 12.

6. Рожкова М. А. Является ли цифровое право отраслью права и ожидать ли появление цифрового кодекса // Хозяйство и право. 2020. № 4. С. 5 – 11.

⁹ Васильев А. Термин «цифровое право» в доктрине и правовых текстах // Юрислингвистика. 2019. № 11. С. 15 – 18.

7. Цифровые права [Электронный ресурс] // Интернет-ресурс «Wikipedia. org». URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Цифровые_права (дата обращения: 08.10.2023).

8. Цифровые права [Электронный ресурс] // Интернет-ресурс «Wikichi.ru». URL: https://wikichi.ru/wiki/Digital_rights (дата обращения: 10.10.2023).

Научное издание

Коллектив авторов

ISSN 2500-1140